

№ 59.

1 юни 1916 г.

Ос. №—85 коп.
из вносната мита
доп.—95 коп.

Франсуа Бов (1760—1775) —
„Леда и Лейда“.
Музей Академии Бразилиа.
Галерия Струи П. А. Бразилиа.
Репродуцирано.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

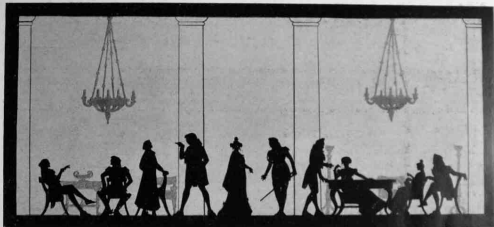
ШОКОЛАДЪ — ЖОРЖЪ БОРМАНЪ — КАКАО

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 59.
ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ
СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА.

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

1 ИЮНЯ 1916 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

„Война и мир“ Л. Н. Толстого — сплутъ изъ бумаги В. Гельмерсена.

„ВВЕДЕНСКОЕ“.

(Московской губ., Звенигородскаго уѣзда, имѣіе гр. Гудовича).

Ни въ изданіи Т-на „Образованіе“ — „Подмосковныя“, — ни въ усадьбномъ номерѣ „Старыхъ годовъ“, ни въ книжкахъ гр. Шереметева, ни у Карновича — „Замѣчательныя богатства русскихъ людей“, ни даже въ „Географическомъ словарѣ“ Шекатова — не упоминается объ этомъ имѣніи.

Императоръ Павелъ I подарилъ „Введенское“ фавориткѣ своей Лопухиной. Далѣе послѣ Зарѣкинъ имѣіе перешло къ Годовичу, отъ нихъ къ барону Штакельбергу и уже отъ него „Введенское“ купилъ В. И. Якуничковъ, владѣвшій усадьбою до 1884 года. Огнь прогналъ ее гр. С. Д. Шереметеву, который и далъ усадьбу въ приданое дочери своей, вышедшей замужъ за гр. Гудовича.

„Введенскому“ обязана своимъ художественнымъ воспитаніемъ одна изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ художницъ М. В. Якуничкова, дочь бывшаго владѣтеля усадьбы.

Въ № 3 „Миръ Искусства“ 1904 г. находимъ нѣсколько слѣдующихъ строкъ по поводу пребыванія въ этой усадьбѣ М. В. Якуничковой, умершей въ 1903 году.

...Зиму Якуничкова проводила въ городѣ, а по лѣтамъ уѣзжала въ подмосковное имѣіе „Введенское“ Звенигородскаго уѣзда. „Введенское“ играетъ большую роль въ жизни Маріи Васильевны и вліяніе его отразилось и на ея характерѣ, и на направленіи ея художественнаго развитія.

По мѣстополюженію и по величественности усадьбы — это одно изъ самыхъ красивыхъ имѣній въ Московской губерніи. Вѣковая березовая аллея ведетъ къ обширному двору, изъ глубины котораго возвышается грандіозный двухъ-этажный съ колоннами

домъ-дворецъ, эпохи императора Павла. Съ обѣихъ сторонъ къ нему примыкаютъ флигели, соединенные съ нимъ коловадами. Домъ стоитъ на высокомъ берегу Москвы-рѣки, и съ величественной западной террасы, съ коринѣйскими колоннами, открывается дивный видъ на долину рѣки. Въ глубинѣ, вправо, на нагорномъ берегу виднѣтся живописно-расположенный городокъ Звенигорода. Прямо на высокой горѣ, среди соснового бора — древній звенигородскій одноглавый соборъ XII вѣка. Надъ нимъ изъ за густого вѣкового лѣса — высится глава Савва-Сторожевскаго монастыря.

Когда по субботамъ вечеромъ, во время тихаго заката, влутъ раздался мѣрный глубоководный гулъ колокола изъ Саввинскаго монастыря, даже дѣти, спящія на терасѣ стлала, проникались этой гармоніей звука съ природой...

Внутри введенскій домъ сохранялъ типичный характеръ эпохи. Высокіе большія залы, изъ нихъ одна огромная съ колоннами — театральная; мебель Louis XVI; по стѣнамъ зеркала и портреты въ напудренныхъ парикахъ. Это соединеніе благородно-чопорной внутренней обстановки съ возвышающей красотой природы, держало впечатлительнаго ребенка всегда въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи и развивало въ немъ плутовство, чуткость красоты и уваженіе къ прошлому...

„Введенское“ было куплено у бар. Штакельберга аскотомъ послѣ освобожденія крестьянъ. Благодаря отдаленности отъ столицъ, крестьяне сохраняли патриархальныя отношенія къ помещикамъ и врождали имъ на барскій дворъ со всѣми своими аждахами и работами. Дѣти часто жили въ сѣдѣхъ, живописно расположенныхъ по маленькимъ рѣчкамъ, деревнямъ.

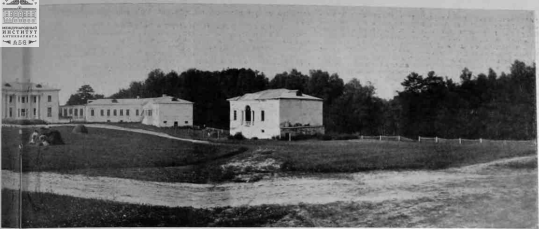
Все эти впечатления и сдвиги М. В. Якушкину вносила-
 стий, как сказал С. П. Давыдов, — «потому русских дельных
 думас, сельского кладбища, монастырских кладбищ и дере-
 венского крыльца».

Из другой статьи — «Звенигородский улак», неизвестного
 автора (Юри Черды), помещенной в № 3 «Миръ Искусства»

за 1904 год, узнаем еще более интересные подробности о
 жизни в «Введенском», о том значении, которое имело оно для
 П. И. Чайковского, А. П. Чехова, для В. И. Якушкиной.

«Проводить годъ въ Туль, въ Звенигородъ, можетъ быть без-
 ковенно казнь, многообразна, трепетна, чужь славу явилъ
 объязать весь миръ, весь земной шаръ». Про Чехова написал

раз, что для него „весь мир—провинция“, и, наоборот, сказать для него „провинция—весь мир“. В этой то оригинальности, в этой любви, когда Звенигород—весь мир, и есть что то вдохновенное, национальное и вместе с тем бесконечное, вечное”.

По поводу зарождения музыкальных симфоний и вообще содержания музыки Чайковский—Юрий Чердак пишет: «И оттого то не появился Чайковский учителем и наставником его, а угадали впервые Кузники, оттого то и теперь несравненно труднее быть для молодого гимназистки, чѣмъ для настоящихъ ученыхъ знатоковъ и музыкантовъ».

И чем возмозношение, тем безмузыкальнее: а иногда совсем уж почти и законить и только лизидить, и только предразвильный заросшийся листок, „догода через мось... потому поворачивать из прав в лев, потому снить промелькнет

свою «дверь»... а дальше — интеллигентно, кривоножко и перпендикулярно — и наконец уже большой старшей — в дзвонкий «белый» Зауничковскій домъ, тераса, скамья, колонны... и вотъ на терасѣ, у скамьи, раё, у колонны надъ глубокою, длинною, сочнымъ, «вишневымъ» садою», точно лавишшимъ, точно метшимъ Чайковскаго сочиненіямъ, скандинавскимъ тикомъ, русскими барышнями, Машенками, мечтательницами. И можетъ быть даже русскаго, болѣе нѣжно русскаго, охотничьяго русскаго — никогда и не было ничего, да и не спросить никто большаго, ибо ухажъ Россіи — въ послѣднемъ словѣ любви...

Въ такие тихие, осенние или дѣтскіе дни она пьетъ и крылечко, и колокола, и пробуждавшее съ дѣтства въ ея душѣ чувство красоты и гармоніи заброшенное кладбище около „Васили-

На Суде Дипломата, Фаскаль со стороны польских представителей был выдвинут, как односторонний адвокат, а центр, которого представлял Фаскаль, был представлен как односторонний адвокат польских колоний. Он, украшенный блестящей речью, имел четыре тысячи колоний, а двух палестров по краям. Он был промывающего два крыла соединяющихся колоноло, теперь застенки. Крылья дома — два фангела из надбуквы "и", обработанные мстими рустовкою. Газеты перед домом ничем не огорожены, а не заажены никакими клубами. В самом деле — всякие кусты, аллеи и деревья только "застенки" бы над на дома. Чудесный аужок, поросший полевой травой из стыжкою, например, пре-

Въ общемъ „Введенское“—одинъ изъ *chef d'oeuvre* рус-
ской архитектуры первыхъ годовъ XIX столѣтня.

Г. Лукомскій.

Фарфоровый иконостас в церкви ус. Болонитинь (Черниговской губ.), бывш. Миклашевских (нынѣ гр. А. А. Олсуфьевой). Это громадное, удивительной работы, фарфоровое сооружение могло быть выложено только благодаря тому, что тутъ же рядомъ, въ усадьбѣ, находились известныя фарфоровыя заводы Миклашевскихъ.

Соб. фот. Сх. в 3/4.

Сод. фот. „Ср. и Ср.“.

О ЭКЗОТИЧЕСКИХ РАЗГОВОРАХ.

— Вот так все жили! Окружающие говорят обо мне как-то не очень высоко, а я часто чувствую, что в отдалении думаю: почему так не возмужать? И это противоречие понятию. Окружающие знают только то, что я делаю, а я знаю, что я делаю, хорошо владею, обучаю, подготавливаю, которые проваливаются, так не выдают, о том не знают.

— Откуда как бы не секрет жизни, удаче—как можно больше дуть?

— Да, именно так! Помните рассказы Коваль-Дойла о Шерлоке Холмсе? Помните там такую сцену: Шерлок Холмс, по-видимому, играл на скрипке, потом сидит, окутывая себе клубами табачного дыма из своей трубки, а д-р Ватсон, его друг, в это время рассказывает ему и его друзьям, а между прочим говорит, что он не понимает одного плана. Холмс всегда весьма сложным, разработанным до мельчайших деталей, в высшей степени остроумным, но стоит не задаться какой-нибудь одной деталью, стоит прожить какой-нибудь малейшей непредвиденной случайности и весь план рухнет, а между тем Холмсу все планы удаются? Этого Ватсон не может понять. Холмс вынужден опять клубы дыма и спокойнейшим голосом говорить:—Ах, Ватсон, это так просто!.. неужели вы не понимаете этого? нужно иметь всегда двадцать детально разработанных планов, и тогда один из них непременно удался!

Этого, созданный фантазией Коваль-Дойла, разговор запал мне в душу. Они совпали с тем, что и бесспорно данно уже выработал в себе. Это чужая жизненная философия.

Есть, может быть, очень удачные люди, которым не нужно разрабатывать двадцать планов, а довольно только два или три, и один из них непременно удался. Но я не принадлежу к числу этих удачливых, и мне приходится готовить двадцать.

Окружающие девиатами из них не видят, а видят только двадцать, который удался...

— Мало ли мы делаем ненужного и безцельного! Вот, например, зачем то носить с собой по целым тростям—какие их назначения?—чтобы мышло что-то в руках, или чтобы забывать там, куда приходились... Я помню, как-то в Америке пошел по улице с тросточкой, очень шикарной по моему, только что кушанной перед этим в Лувре. Ручка обитая кожей, «стандарт» Вилл... Встретил меня знакомый американец, смотрит на тросточку, время, и меня спрашивает: «зачем вы это носите с собой, вы хромаете?»—как средство защиты, в том, что слышало то, что не годится!

По поводу трости и знаю другой курьез. Одна молодая девица издала с собой по пляжу, в том же Лувре, иголки омы на золотой цепочке и удержала, что это гораздо интереснее, чем носить в руках. В том же Лувре, что и она, была другая женщина—она не могла не носить, чем тросточка, однако ее все носила... И с омаром меньше хлопот, чем с собакой: он не лезет, не бегает за другими омарами...

— Никогда не нужно что либо чинить, склеивать разбитое. Не переваривая склеивать посуду, подогреть кушанья, починившиеся заготовки. Если с человеком поссорился, не следует чинить—все равно ничего хорошего не выйдет. Как подогреть блюдо—это с неприятным привкусом и вредно для желудка...

Не согласен с вами! Ничто не портит так дружбы, как долгая разлука, а между тем после ее возобновления отношения так приятно, и они иногда крепче прежних: люди получают, насколько они нужны друг другу, и больше одного друга обидеть.

Разлука одно, испорченные отношения другое...

Эта история молодая женщина. Она ставила ничего не давая людям, а только, как губка впитывала из них мысли, которые затем излагала на страницах просторного романа. Этот роман назывался как-то иначе, но его нужно было издать—«Мой роман». Но она давала больше, чем брала.

Она хотела быть одинокой, но всегда была с людьми, хотела быть холодной, но легко поддавалась настроениям, хотела быть странной, но была странна не тем, чем хотела... В разговор о присутствии или отсутствии, по-настоящему гонимая—«полезнее разговаривать», и знали горничную, «попробуйте обидеть предков»—это значило позвать обидеть отца и мать...

Таких черт, длающих человека замкнутым больше, чем быстрая экзентричность, у нас было много и было бы не десять раз больше, если бы этому не препятствовали тот светский инстинкт, который с детства отгораживает душу. Хорошо ли такая душа—подлежит глубокому обсуждению.

Вы не согласны?

Сказал ей что-то в разговор, глядя на глаза. Она сказала, что обиделась, но потом согласилась, что экзентричность не только в том, чтобы шептать о короче, чем нужно, а в том, чтобы думать иначе, чем другие. Не только думать, но хоти бы думать.

— Если бы и начала думать то, что думаю, что мне нравится, то многие бы вздохнули...

— А как приятно думать, что нравятся! подзабыли же.

Она соглашалась и только особое острое удовольствие получила от того, что ей «нравится». А может быть это было душевным капризом: если не удастся, не выйдут так, как хочется, то большое удовольствие сказать себе—«вышло бы, удалось бы, но мне нельзя... я не хочу».

Из франц. журнала «Tout Paris».

О КУРЕНИИ.

(Размышления и афоризмы).

Жестокія муки, причиняемая первой трубкой или первой сигарой, не помешали ни одному курильщику стать курильщиком.

Один из многих вопросов человечества: почему ситара с которой стрихнуть пепел становится так вкусна? Есть разные гипотезы, но все несостоятельны. Будем верить, что к концу мира и эти загадки разгаданы.

Панароса... Вот в чем не отказывают даже осужденному, стоящему на эшафоте. О, великая привлекательность!

Ни один настоящий курильщик не станет курить в некуренной комнате. Первые условия для курения—совершенно чистый воздух, беззаботная голова и по возможности спокойная совесть.

Скажи мне, какой табак ты куришь, и я скажу тебе, кто ты.

Добрый курильщик никогда не разобьет своей трубки, ему разобьет ее кто-нибудь другой.

Курение—символ жизни и истории. Пророки, основатели религий, моралисты, мыслители всегда внушали человеку: ты дыши и пей.

Когда я курю, и не сижу, я могу только улыбаться.

Под одной карриатурой Гагарина подписи, оставлю тебе мою женой и мою трубку, очень рекомендую трубку!

У меня же есть такой рисунок: жена противна мужу трубку, подписано—«мир любой трубки»!

Если бы Декарт курил, он сказал бы: «Juno—ego sum», «курю значит существую».

Хороший пепел должен свободно вылетать дышанием. Хороший курильщик—это тоска.

Всё дуть, но мало на свете гастрономов. Многие люди курят, а много из толковых, помнящих, сознательных, критически мыслящих курильщиков?

Вдумайтесь в процесс курения. Его сложность этого заслуживает. В нем участвовать не только обоняние, иначе нам бы меньше бы нравился дым чужой трубки, не только вкус, слишком велика разница между курением и желанием табака, не только зрение (что не зря, что в потемках дым не так приятен), не только осязание: сигарное было бы удовольствием—держать из рук незажужженную струю или пустую трубку... Нет, всё чувства имеют участвовать в этом наслаждении. Всю, кроме слуха: он свободен для того, чтобы воспринимать музыку, язык богов. Всю прочую удовольствие вытесняют курением.

Хорошая сигара вытесняет самый лучший дукаловский обалд.

Истинный курильщик считает себя роскошью. Его главная, обкуривая, старая трубка ему дороже любой золотой, осмеленной бриллиантами. Какой урок добродетели!

Плоская трубка вовсе не из морской пены, как воображал многие, но раз в не озорничестве это наивно поваре, разве не прекраснейшая из трубок с прекраснейшей из богинь, Афродитой, возникшей из пены?

Когда вы видите человека с стеклянными мушкетерами в руках, можете мне простить и вразумить его. Понявший он не ищет, что творит.

Comte Nicol.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ.

Неоднократно говорилось об упадке и утрате геральдики, науки о гербах, распознавания и так называемого «блосонирования» (от фр. блон гербон) гербов, или, как ее принято именовать по-русски — «герболатиния». И, если наши археологические и генеалогические общества обилие стоящих и спадающих еще с той поры истории исторических знаний, как с наукою или, со стороны иконографии, как с искусством (l'art du blason), то уже во многих случаях наша современная печать ее совершенно игнорирует. На Запад геральдика (особенно в последние годы) возродилась, как Феникс из пепла на фоне многочисленных изысканий, как славянство, так и дилетантов и сдала громадные успехи. Являясь строгой, определенной и умбана исторической критики, которая дала положительный результат во всех известной и мало известной области. В России нет ничего подобного и невозможно сделать геральдические труды и издания наши хитро. История отечества складается из истории отдельных родов, представители которых ковали меч государства и руководили его судьбами. Вообще, если Сократ был прав, требуя познания самого себя, то столь же правильно требовать познания своего происхождения. А генеалогия — это геральдика родовая связь.

Но и во другом отношении геральдика имеет свое право гражданства. Это тот несомненный интерес, который она представляет, как наука уже давно законченная и чья-то, уже больше не развивающаяся практически, заставившая бы своих, иногда весьма любопытных, образах.

С другой же стороны, несмотря на все почтение, пренебрежение, оказываемое геральдике иногда даже весьма разрозненными представителями наших интеллигентных классов, многие из них еще и поныне в душе весьма дорожат и проносятся роду и знаками отличия и дворянских гербов, хотя часто его сами не знают, или плохо знают, а описать правильно редко могут.

Герб вообще, сам по себе, представляется часто такой же интерес, как и любая древняя печать, купленная коллекционером у антиквара или как любопытный ex-libris, украшающий старинные библиотеки.

Заброшенность и унылость геральдики и характерно была отмечена еще Пущиным в известной «Родословной» его героя.

В былые времена феодальная поэзия возглашала:

N'y a riche homme, ni baron,
Qui n'ait les lys-son gonfalon,
Un gonfalon ou autre enseigne¹⁾.

Это старинное норманнское трехстишие свидетельствует, что не один лишь барон, но всякий вообще состоятельный человек имел свой герб, приравнявшийся к «вышитости», отличительному знаку своего имени. К такому отнoсению себя от других единственно и стремились гербы, замывая (viter) с печатью в отдаленные времена безграмотные лачужные посылки. Так называемые «буржуазные» гербы существуют и по сие время, как в Германии, Бельгии, так и в Швейцарии и Италии (armoiries bourgeois), не говоря уже о целой боковой группе весьма интересной по бытовым отношениям пеховых гербов (armoiries des corporations), эмблемами которых служили главные предметы пеховых изданий. Так, на этих гербах мы видим: бочку — у виноделов (menseurs de vin), быка — у мясников, коня — у широкоников, сапог — у сапожников, медальон — у мельников, ступку — у лавочников (epiciers) и т. п. С другой стороны, слишком большое злоупотребление дипломами, аттестатами и свидетельствами на дворянство и упадок классического гербового стиля породил так называемую «кашицерскую геральдику», сильно искаженную многими дворянскими и иными гербами. Начав с отмены к. 1863 году, когда, под влиянием буржуазии, а также славянской эмиграции, XIV издала финансовый указ, известный под названием «право розыска» гербов (droit de recherche). Согласно этому закону, каждый кто хотел, за денежную услугу государству и королю, т. е. другими словами — по установленной таксе — получал на герб геральда утверждениям норовым герб, вышивая, наряду с древними дворянскими, на официальном гербовом Актном Генерал де Франс.

Все отныне этих гербов, заключалось лишь в запрете иметь их на мажоранки (timbres, cimiers; écus non-timbres).

Непререваемое требование и ссылка на поддельный документ, являясь дворянства в той или иной его форме, тоже по-

терия в последние время, под влиянием новейшей геральдической критики (итальянского геральдика Spillmann и других) своей авторитет и за историческими и генеалогическими частями изысканиями признало преимущество перед официальной геральдикой, как гербам самим сухой и ложной.

Что больше может интересоваться на герб: принадлежность, его тому или другому лицу, интересному самому по себе или же сама структура герба? Если любопытно узнать, какие эмблемы и фигуры находились на гербе знаменитого авантюриста Цезаря Борджиа, то с другой безразличности к изображениям герба Жанны д'Арк, с ее символизмом, несмотря на то, как, что новейшей критикой изданий геральдической символики, вообще отрицается, так как основано этого символизма, истинная современная, затерялась с языком и недостатком критики. Геральдическими «акциями» предлагаются обобщениями.

Она касается геральдического, особого языка, «жаргона» (jargon du blason) — с одной и графического изображения гербов (финифтей) металлов и эмблем, его шифра — с другой. Фигуры, разделившись на «геральдический» и «исторический» (естественный и искусственный), удерживают специальную условность изображений, дающую их далеко исполнению на те предметы и повести, которые возмещают их название. Таковы геральдические столбы, носы, перевалы, кресты, стропила и проч.

С другой стороны геральдические левы, леопарды, орлы, львы — тоже весьма исполняют на обыкновенных этих животных, птиц и шифты. Их способности, рисуют и возмещают на гербовых шифтах строго определенную роль языка. Правильная геральдическая описания гербов критик, если и лучшим, как математическими формулами или философскими тезисами. Настолько же нивно, растущую и не красиво бывает неулучше, домысленное блосонирование. Между тем наша официальная геральдика, свинная себя гильдо в прежние времена в так называемой Герольдии, а ныне принявшая в Герольдию Отделении Департамента Герольдии Правительствующего Сената, не сразу, отрываясь от этой худобы и многочисленных, попорных описаний гербов, перешла к тому, что нашего Общего Герольдии Всероссийской Империи составленного по повелению Императора Павла I в конце XVIII ст., исполнению этой стороны для правительственного учреждения «неграмотности».

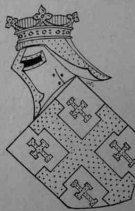
Позтому условности считать: червленый (gules, английское gules) красным цветом, лазурь (azur) синим, желтый (sinople) — зеленым, черн (sable) черным и пурпур (pourpre) — фиолетовым цветами или фиолетовыми, золото (or) — желтым и серебро (argent) — белым металлами, наконец горностай (hermine) — черными хвостиками по белому полю и облаку (vaiz) — белым мехом, шахматно — разбросанным шахматным двумя цветом, — желтым.

Графическое, т. е. условное изображение их: червленый — вертикальными штрихами, лазурь — горизонтальными, желтый — диагональными справа налево, черн — сдвоен вертикальными и горизонтальными штрихами, пурпур — диагональными сверху, золото — точками и сербрупоустым (белым) пространством. Существует еще кардинальное правило, по которому «мелкая» накладывать филадель на филадель и металл на металл в гербах, а всегда надо иметь в виду соеди-

1) Изначально в составленном блосонировании краснота.

Стильный, соединенный в четверть, герб XVI века (феодалский).

Герб Герольдический (Готфрида Бульонского) в стиле XII в.

1) Швейцарский герб герцога герцога Готфрида II.

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ние металла с фианфакто- или мёблом — для отечественного изощрения (Ménestrier).

Подобно частным гербам — государственные гербы и эмблемы рождались исторически и живут свои легенды. Таки, начало французской геральдической анал (lys de France), прелесть рин-ника, который столь изыскан и распространён, относится к установившейся в Людовиках VII «Моделью» (Louis le Jeune) в 1180 году, когда золотыми лалими, как прилагательство королю, было устроено лазурное поле или щит его герба — во адегорин небесного поэмания своего и созвучия названия фигуры сь его именем (fleur de Louis и fleur de lys). Вь память этого французские короля нередко жаловали вь нидь прибавления кь частным, городским и общинным гербам такое «устроенное» поле, полу-лившее название «французского» (le semé de France). Людовики IX Святий установил: лишь три лалия на щиты, оставшиеся навсегда вь гербы французских королей.

Тоже такж вь гербы Габсбургов, — на черныи серебряный пость» (т. е. три горизонтальных поасы — два красныя, средния бляу), базонирuemый по-французски — «de gueules, à la fasce d'argent» (французская терминалогия считается образной и ее перевод и восприятия вст изысканноязычными народами), произометь ать серебряной колчуги на одномъ изъ Габсбургов, во время крестовых походов, возмещавшей отъ кропи и сохранившей сной щитъ лишь вь закрытомъ португальей мьст. (юаст).

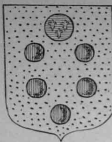
Наши Государственный герб, какъ известно, усвоены Московскими царями вь память Софии Палеологъ, вьместъ сь которой прибыла вь Москву и родовой ея Византийскй гербъ, который, во правдивомъ о соединении гербовъ мужа и жены, могъ остаться вь Москвѣ, какъ гербъ приналежательный (armes de préférence). Неправильный гербъ коннетабля Монморанси (Montmorency) — серебряный крестъ на золотомъ поа — во время нашествий Бузунской блявы возмещалъ отъ кропи и правилъ, таковыи образомъ, принальный щитъ, т. е. фианфактъ изъ металла. Къ веку во всѣхъ четырехъ углахъ или «четвертияхъ» было присоединено еще 16 лазуревыхъ оранковъ или ораствъ (alérons) — вь память взятыхъ у неприятеля стольныхъ же знаменъ, которыми украшалась, еще по римскому обычаю, древо. Гербъ базонирuemъ такъ: «вь золотомъ щитъ черныи крестъ, сопровождаемый 16-ю лазуревыми оранками», т. е. по четыре вь каждомъ квадрантѣ. Это составляетъ дословный переводъ съ французскаго геральдическаго его описаніе, которое также приведемъ для примѣра: «d'or, (т. е. ёса d'or, или, проще, перекрестъ слово всегда усвоилось пропускать), à la croix de gueules, suivie de seize alérons d'azur». Жанна d'Аркъ, вь память спасения ея тропа Франція, получала изъ рукъ короля Карла VII родовой гербъ, вьместъ сь измѣненіемъ самой фамилии на De-Lys — вь лазуревомъ щитѣ серебряный мечъ (наголю, остриемъ normally вверхъ), съ золотомъ рукояткою, на остриѣ поддерживающій королевскую корону изъ трехъ листвен-ныхъ и между ними шести, по три сь каждой стороны, жемчужныхъ кончиковъ и сопровождаемый по сторонамъ двумя золотыми французскими лилими. Завѣсь, конечно, трудно не усмотрѣть вь нашего историческаго символа.

Это единъ-ли рѣдкихъ его привнесъ вь столь отдаленное время геральдики. Нельзя того же сказать о познании щей, особенно официальной геральдики, мало стѣсняющейся изысканностями триниальныхъ эмблемъ, вьместъ обычныхъ фигуръ. Вь особенности вь насъ вь императорскія времена таковыи «сочинениями» пестрил Общй Гербовъ.

Къ тому же, вопреки вкусу и стилю, такъ же канцелярская фантазия не стѣснялась вьместо общепотребительныхъ цинко-овермателъ — дикарей, рыцарей, алгевои, конюшъ и проч., и цинкоовермателъ — грифовъ, единороговъ, львовъ, орловъ и другихъ животныхъ — устроить гербовые щиты вытнутыми вь струю,

Гербъ Тосканскихъ герцоговъ Строщи (Strozzi) вь стилѣ новаго XVIII вѣка (рококо).

Гербъ герцога Тосканскихъ Медичи (щитъ).

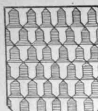
Гербъ герцога Миланскихъ (щитъ).

какъ на часлѣхъ, вьколлексовскимъ солдатами разныхъ формъ, мушкетровъ, и оружія, очень похожими на оловянныхъ солдатиковъ, которыми играютъ дѣти. Для увеличенія такъ-же солдаты они поставлены также на дощечкѣ.

Шагмы, вопреки логикѣ и правды быть вьсоединены непосредственно на щитѣ, паритъ гай-то изъ короной, покрывающей щитъ, поддерживаемый съ тѣмъ свои шапеленики (т. е. то, что выходитъ изъ щитъ вверхъ, войничаетъ).

Вь такихъ гербахъ обыкновенно вѣтъ недостатка ни вь чемъ: тутъ и поистинѣ измѣненіе отъ соединенныхъ гербовъ съ ихъ вѣнчиками, и ратные короны, и мантіи, и шитователителъ, до дѣлать вьсоединеніе. Самый щитъ чаще всего раздѣленъ и весьма сложенъ, но композиція его фигуръ рѣдко удачна и стилина.

Однимъ изъ наиболее характерныхъ гербовъ эпохи Николая I является показанный фельдмаршалу Паскевичу — Эриванскому, извѣсто Варшавскому новый гербъ, вь который вошелъ древній родовой его гербъ, какъ одна изъ частей. Этотъ гербъ, долженъ быть представлять выраженіе максимумъ асть почтенныхъ отличій казенной геральдики, но на дѣлѣ получился совсѣмъ обратное: гербъ вышелъ далеко не столь удачнымъ и единственно хорошими оказались вь немъ прежній родовой гербъ Паскевичей — «на лазуръ серебряный двѣбъ, или туринский ворониха», сдвинутый по содержанію, но весьма выразительный по стилю, отодвинутый Государственнымъ гербомъ, вь первой части этого четверочастнаго герба, на второй планъ. Видъ арлюста Эривани составляетъ несогласію мало геральдическую эмблему, кѣкъ искій ландшафтъ вообще, не говоря уже о лишней досланности возмѣвшихъ, какъ подъ этимъ видомъ, такъ и вь четвертой части — «Варшава», подъ гербомъ этого города, тожъ извѣстнаго, вь общій щитъ герба. Завѣсь несогласію непонятно является изложение (brochant sur le tout) на серединѣ щита, обрамляющаго щитъ, малаго диклика съ государственной эмблемой, у котораго измѣнено почему то поле, (близкое; ёса білѣ — отъ белое, т. е. измѣненный для отличія отъ таковаго, родового или иного герба, напримеръ, изъ младшей лалии роза). Это тѣмъ болѣе странно, что на томъ же щитѣ первой его части находится Государственный гербъ во всей его точности. Таковыи образомъ почти рядомъ поставлены два Государственныхъ ора, одинъ на золотомъ, другой на черномъ (Щ) поа. Между ними, вопреки жорѣ, толовъ орловъ на официальной рисунокѣ не короновины, а есть лишь одна между ними короно, тогда какъ на самомъ древнемъ парскихъ печаткѣ всегда нѣсутся три «каруны» — двѣ на головѣхъ геральдической птицы и третья вьаль нима, посредній, какъ это возстановлено вь настоящее время на нашемъ Государственномъ гербѣ.

Ближній геральдическій щитъ (Vain) изъ серебряныхъ и лазуревыхъ шлеминговъ.

Щитъ польскаго герба «Дрогомиръ» (трикветра).

Вообще, как известно, иконописные орлы отступили от рисунка своего образца, приняв особый вид и стала, создавая и тут же неутомимо имитировать творчество. Оно не перестает существовать и до сих пор, хотя теперь уже на частной, дилетантской почве. Еще не так давно один ученый иконописец копирует орла, подает некую обр. копию и чертает штамп государственного орла на золото (1), не убоится такой неуклюжей геральдической фальши, — охоту странным, предлогом: «чеканки Государственного орла от германского его иконописца».

Случай неправильного, с точки зрения геральдики, поминания металлической фигуры на металлическом же поле или шитья, имел однако место в истории, подает некую обр. копию и чертает штамп государственного орла на золото (1), не убоится такой неуклюжей геральдической фальши, — охоту странным, предлогом: «чеканки Государственного орла от германского его иконописца».

Такие гербы встречаются даже «загадочными» (à l'enquête — от enquête, латинского quæstio — спрашивать, разузнавать, откуда questio). Они ищут целью — своей неправильности, основанной которой служило какое-нибудь почетное или любительное историческое событие, случай и т. п., вызвал вопрос герцога или иного лица, балансирующего герба, о такой его фальши и тогда давало живое объяснение, удовлетворяющее тыслевые владения герба. Эти гербы, в отличие от действительно неправильных и фальшивых, по существу их составляющих, были весьма редки и допускались на протяжении времени геральдики лишь в виде исключения, с особым и общим их примечанием.

Таким же, между прочим, знаменитый из средневековой «Иерусалимский герб» (Armes de Jérusalem), возведенный рыцарями-крестоносцами Готфриду Бульонскому, королю Иерусалимскому: «в серебряном щите золотой лотосированный (sotir rosé) — с «Тобриями кошами» кресты, — продолженный по углам, такими же четкими укороченными (т. е. не доходящими до краев щита) крестами. Этот герб пользовался большим почетом. Между прочим, он вытиснен на известных уличных старинных воротах в Ревель.

Съ ними соединял другие гербы, поминаний его в «глав», т. е. в верхней площадке (chef) щита, как например, в герб французского рода Bourbon-Busset.

Когда король французский Филипп I, забывая, давая неосторожную обиду сопернику, в случае выздоровления паломничеству из Святого Земля, ирный его рыцарь, храбрый Eudes-Chalo-Saint-Mard совершил это путешествие имбео своего короля, неся при том, за все время данного пути заслуженную славу, за что потом в награду получал от короля новой герб, соединенный в четвертьности (postérieurement) разделилось только наиболее развитыми фамилиями и членами королевского дома) своим с гербом Иерусалимским (scellé en 1 et 4 de Jérusalem). В остальных двух частях он соединился с фигурой остралиста (houx), — символом того тернового ваяния Христова, крестину которого Шало-Сей-Мард принес королю из Иерусалима. Оня же получил привилегию, по которой его дочери могли сообщать дворянство мужьям. Своей розовой герб, рыцарь оставил у ворота церкви Гроба Господня.

Противоположность благоговейному рыцарю составляли члены дома Борджиа, из которых происходил знаменитый папа Александр VI, прославивший себя такими позорными делами, что даже портрет его ваяния непозволенным помыслил срисовать поганое собранье медальонов папы, в записках папы ене, великодушный собор С. Папы папы Римского (San Paolo fuori le mura).

Герб Борджиа раскрасили в первой четверти части — изущий червчатый полет на зеленую осыновку; во второй части — шесть поперечных, перемежая золотых и черных (parti, au 1 d'or au borel passant de gueules sur une terrasse de sinople; au 2 — fascé de six pièces d'or et de sable).

Эмблема дома Лигоньянски была «морская дельфин», или так называемая Медуза, дочь морского царя, фея, которая, согласно старинной легенды, была женою рокозавчатого этого дома и принуждена каждую субботу обращаться с медузой (serpente). Медуза выстроила ему замок (из X в.), сократившийся до сих пор. Она изображается из лезвья ширмы, смотрящейся в ручное зеркало, с распушенными волосами, иногда в бабетте с шнуром.

Въ немъ поминаний герб графа Паскенича-Эриваскаго, в четвертой части находится такая же «вооруженная» Медуза, въ качестве эмблемы дома Варшавы.

Известный домъ итальянскихъ патрициевъ, герцоговъ Боргезе (Borghese), имѣетъ на лазури золотого дракона и золотую же главу, обрамленную чернымъ имперскимъ орамомъ, а древній ваятельный родъ Висконти, герцоги Миланскіе, имѣетъ въ серебряномъ щитѣ лазурнаго королевнаго змѣя, балансирующаго въ стоюбѣ (т. е. вертикально — en pal), семью волкостыми лапками и пожирателя червчатнаго ребенка (bisse, по итальянски bischia). У Тосканскихъ герцоговъ Строчи (Strozzi) въ золотомъ щитѣ

червчатый поясъ, обрамленный тремя обрѣзанными (соединены короно) серебряными полузвѣздами. Они оговаривались, какъ «обрамленные», въ виду нормальнаго положенія фигуры коня наверху, какъ напримеръ въ гербъ русской фамилии Куломзинскихъ. (Общ. Герб. VI, 43).

Потомъ иконописный императоръ и госнодарей — князя Кантакузена, поминавша свой истинный, гербовый щитъ на груди золотого двуглаваго орла въ червчатомъ шитье, увѣдомивъ империю, королевнаго императорскаго короно, съ двумя шитами — державками въ видѣ Архангеловъ и девицы, «дѣе носен — досенъ»! Таковъ гербъ князя Кантакузена, утверждающій Герцога въ Россіи. (Общ. Герб. т. XII, ч. 7), причемъ первоначальный гербъ этой фамилии, ввиду однородности червчатого двуглаваго королевнаго орла на золотѣ, съ государственной русской эмблемой, былъ полнѣе, брызнулъ, т. е. изъясненъ. Въсѣ гербы поминаны на княжеской драгунской мантии, съ куртками и кистями.

Флорентинскіе герцоги Медичи, изъ рода которыхъ происходилъ королева французская Екатерина, супруга Генриха II, покровителя науки и искусства, носилъ (profes) — эмблѣ своего имени, «условно» — привнесши, одно изъ характерныхъ геральдическихъ выраженій) несказанный въ свое время гербы: «въ золотомъ шитье шесть шаровъ (bois), расположенныхъ въ кругъ, т. е. въ кругломъ кайму (en cercle). Изъ нихъ одинъ, первый — лазурный (bleu), обремененный тремя золотыми французскими лангами, остальныя червчатые». Одинъ обременялъ эти шары, какъ аттестаркскіе шары предлога рода, а второй. Согласно другимъ, Эраръ Медичи, французскій рыцарь, соратникъ и шаредорца Кара Великаго въ войну съ Лангобардами въ 801 году убитъ разбойниками, у которого отнятъ бузукъ, съ прикрепленными къ ней пятью золотыми шариками, которые оны, убивая людей и Кара Великаго — разбрасывалъ съ коммѣстатъ эти шары въ гербъ. Это касалось французскихъ шаровъ, то изъ разбрасывалъ носить королю Людовика XII, французскій, Петру II Медичи.

Графу Архангелу, знаменитому премнику, былъ показанъ гербъ, главу которого составлялъ возникшій Государственный орелъ, нижняя, развѣшенная часть въ первой, лазурной половине обременена стрелой, нагнутой на тетиву лука, а во второй (бѣлой), — червчатой, иной и оловянной эмблѣ, несъ пирамиды, гранаты. Шитье увѣдомляло тремя королевскими шлемами съ наглазниками, изъ которыхъ на первомъ баронскія, перемѣны жемчужны, а по среднѣй графскія короны. По бокамъ щита два воспитанника Архангелскаго корпуса. Внизу щита извѣстный девизъ: «Безъ слѣда преданъ» (Общ. Герб. т. IX, 3).

Среди титулованнаго шитья дворянства, названъ съ природными русскими князьями и изъ титуловъ, извѣстныхъ еще со времени устьянскихъ князей, реформа Петра Великаго ввела и знамя-сербскихъ титуловъ — графскій и баронскій. Однако второй почему то не ввѣдывалъ въ Россіи и русскія баронскія фамиліи можно пересчитать по пальцамъ: Шафировъ, Черкасскій, Колокозниковъ, Кусовъ, Архангельскій, Климентовъ, Ротониковъ. Графовъ значительно больше и на нашихъ глазахъ этотъ титулъ былъ показанъ тремя государственными деятелями — Соловьеву, Витте и Коковцову, въ видѣ высшей награды, приравненной къ самому высшему чину. Эти лица не оставили потомства. Выступивъ Горемыкинъ имѣлъ титула былъ показанъ чинъ Двѣнадцатаго Тайнаго Совѣтника 1-го класса.

Въ балашовѣ, происшедшихъ изъ «лейб-кампанскіхъ» первой половиной XVIII стол. (первой роты Преображенскаго полка), способствовали государственному перевороту 25 ноября 1741г., — такъ называемымъ «лейб-кампанскіхъ» гербъ. Гербъ этотъ, возмужавъ которымъ дао сказанное историческое событие, составляло особенность въ нашей геральдикѣ. Имено, астамъ участникамъ переворота, вѣдѣтъ съ новозведеніи солдаты въ дворянское достоинство, былъ показанъ императрицей Елизаветой особое гербъ, составляющее соединеніе различныхъ частей герба или не прежнихъ родовыхъ гербовъ лейб-кампанскихъ вѣдѣтъ, съ одной неизмѣнной, — эмблѣ въ видѣ показаннаго лейб-кампанскаго — чина: въ черномъ шитье серебряное строило (слѣдуетъ, фигура въ видѣ опрокинутой римской цифры V), обремененное тремя горнистими гранатами и сопровождаемое сверху и снизу тремя серебряными звѣздами (2. 1). Кроме того, шлемъ, обрамленный шнуромъ (taré de «4»), увѣнчанъ, эмблѣмъ обычной дворянской короны, лейб-кампанской грендерской шапкой, а наглазники составляютъ черныя орляны «полета», («одъ, т. е. два распростертыхъ крыла, обремененныхъ 6-ю серебряными звѣздами. Между крыльями два струящихся пера — одно черное, другое серебряное. Такихъ гербовъ было показано 35; изъ нихъ 11 вѣдѣтъ дворянскіе.

Въ гербъ Балашовыхъ (Общ. Герб. т. II, ч. 126), размѣщенъ вертикально на дѣлѣ части, изъ первой гербъ лейб-кампан-

Родовой гербъ царствующаго Дома Романовыхъ. (Соединенный гербы: бояръ Романовыхъ и Шалевыхъ-Гастинскихъ).

[illegible]

Триакрия была открыта во время раскопок в Сиднае, на юго-западной греческой вазе, после чего фигура эта была усвоена в качестве гербовой государственной эмблемы королевства Облихн Сиднаи (Неаполя).

Сапоги находятся также и в других гербах, например, у Опонианских, в наместничестве Ризанского герба, в Венецианском ордене della Calza, учрежд. в 737 году и проч.

Триакрия изображена также в польском гербе «Дрогомир», а герб шведской фамилии Рабенштейер и в других. Наряду с этими фигурами мы находим в гербах много птиц, как руки, крылья, лапы животных и т. п., ребра кости вообще, триакрия является покровителем змеи, из вида сарисенихи из андреевской ересь дадут бездарины, человекских костей и т. п. Столь же странными и оригинальными являются разные другие эмблемы: зростатк, короба, колбаса $\frac{1}{2}$, сыр $\frac{1}{2}$, циркулы, скампелс, астролябия, разные инструменты, габуус, сверток бумаги, топографический станок, сырная, алжирские шапки или горошка спичек, как в гербе американской фамилии Leece (alumpet).

Средневековые, особенно эпоха крестовых походов, отличалась своими изобретениями эмблематизма, как развилки Св. Якова, вазы, полушария, символизировавшие море и Востоку, мертвца-бесновата, безглазая переставная птица особого вида—эмблема страстижающих рыцарей, безжизненные органы, кончики от шпора и другие стилизационные фигуры, главным же образом кресты счастливцев, которых Эмблемасы насчитывают до 110.

Перечисление необозримой вереницы геральдических эмблем всех эпох заняло бы очень много места. Мною предпринято составление Русского геральдического словаря, в котором я надеюсь ознакомить русское общество с фигурами гербов и терминологией бланзирования.

Из числа и богатые древних российских гербов, особенным блеском отличаются гербы «рирковичей», т. е. тех родов, которые ведут свое начало от удельных князей и считают общим своим родоначальником ярмарского князя Рюрика. Хотя фамилий, имеющих претензию считать себя рюриковскими, у нас не много, по свойству и родству их с княжеско-удельными русскими родами, однако, прямое потомство Рюрика особенно много.

Вся онф въ московскую църкву эпоху званнми выдающеся положене среди мѣстнаго московскаго боярства, строго соблюдаема между собою мѣстничество и отлична древность своего происхожденія передъ другими выказани родами, записанными въ Государствъ Родословце, составленномъ около 1555 года подъ вѣдѣніемъ Алексѣя Адашева.

Этот „родословiec“, именуемый также „Елизаровским“, по имени дядки Елизарова, состоящий из 43 глав, составлял родословную, служившую главным основанием при так называемых

написаных мистических божеских спорах. Книга эта в 1682 г. (12 августа), во время уничтожения мистичества, была, по повелению Федора Алексеевича, торжественно сожжена и заменена лишь «на память» послужающим почитаниям, так называемой Бархатной Книгой, составленной им в 1687 г., в которую вошел, между «осталь» древнего Государева Родослова,

Эта книга, состоявшая из 1333 страниц и заключавшая в себе различные списки книг и записи русских писателей и мыслителей, получила свое название от бархатного переплета. Она находилась в библиотеке Департамента Герольдии, на особую охрану которой был возложен Александром Павловичем Дельбатовым, и по поручению проекта, служить книги «ожидающей своей дальнейшей книге русским служителям родова». Раньше она хранилась в Разрядном Архиве в Москве (XVIII ст.), причем во время московского пожара 1812 год значительная часть ее сгорела. В настоящее время список сохранился в копии, сделанной в Московском архиве Министров Империи. Бархатную книгу заказывали правители восточных документов, а также российские дворяне, не забывшие ни своих друзей, ни врагов.

Издана Н. И. Новиковым в 1787 году.

Из них заключаются генеалогии Рюриковичей, Годуновичей и многих знатных родов, расхаживая на путь степеней: княжеские и «линее честные роды», бывшие в боярах, окольных и думских дворянах; бывшие при царях Романов III, в послухах на воеводствах; роды, бывшие в таклах же доминантах, при царях Михаиле Феодоровиче и Анне; бывшие в «средних чинах» и произведенные из нижних чинов в Московские «за службу»

отцов их". Русская телерадиовещательная компания 52 ирриковских книжеских рода, къ которым надо присоединить еще некоторые другие, не вошедшие в общие списки, но такъ же ментого же происхождения, въ томъ чиселъ и 15 польскихъ дворянскихъ фамилий.

Вот список этих фамилий: Холманские, Голицыны, Курянины, Сапушки (№№ 5 и 7 пробела), Озвешские, Колыновы-Масальские, Горюновы, Сатины, Борятинские, Оболенские, Ташевы, Репяевы, Тюрфяковы, Давыруки, Шербатовы, Волковские, Савельевы-Четвертинские, Скляковичи-Масальские, Бабичевы, Путиловы, Ларионовы, Соколовские, Подберезские, Вельдские-Шаховские, Загрядины, Соколовы-Затюкины, Львовы, Прохоровские, Всеволодские, Татищевы, Кропоткины, Карповы, Колосовые, Рясские, Дашковские, Кропоткины, Дмитриевы, Азаламины, Касткин-Ростовые, Лобановы-Ростовские, Быховские-Вальперские, Наболевские, Шелешпанские, Утомские-Березины, Ляпуновы, Иланы, Гатарины, Хидяковы и Гундоровы.

За неможливими виключеннями, всі ці роди титулованні-княжескіє одиніє графскій (Дмитрієвы-Мамонзови) многіє уже прекратились.

Къ польськимъ рюриковичамъ принадлежать: Четвертинскіе, Кичновскіе (Киселовскіи), Давыдовскіе, Мигуновскіе, Новосельскіе, Одновскіе, Огнискіе, Палецкіе, Остротскіе, Покорнскіе, Заряднскіе, Прунскіе, Ростовскіе, Стародубовскіе, Шувальскіе, Воробьевскіе и Заславскіе. Изъ нихъ Четвертинскіе, Мирскіе, Остротскіе и Огнискіе — княжескіе.

Къ рюриковскимъ родамъ принадлежитъ, наравнѣ съ перечисленными, боярскій домъ Романовыхъ, представители котораго московскій бояринъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, былъ избранъ Великою Земскою Думою 21 февраля 1613 года въ цари.

Он является рюриковичем через родство свое с князем Суздальским по женской линии, так как второй женою имевшего того боярина Никиты Романовна была княжна Суздальская.

Происходя от супруги Голястинского князя Алены Петровны, дочери Петра В., этот род сохраняет связь с потомством Петра и составляет младшую, Голястинейн или Голястинско-Романовскую, ветвь Императорского Романовского Дома или Царско-Императорского поколения Романовых.

Домь Романовых происходил от боярского дома Юрьевых, одной из ветвей Захарьиных. Этого же рода в свое время принадлежало начало от рода Кошкиных, происшедших от Федора Кошки, питая (младшего) сына Андрея Ивановича Кобылина (другими сыновьями которого были: Семен; Евдоким; Александр; Ева; Василий Иванович и Гавриил Гаврилович). Если он принадлежал фамилии Кошкиных, то происходил от Шереметьевых, Грозневых, Воробьевых, Трусовых, Неплюевых, Леушкин, Грозневых, Голяевых, Морозовых, Филимоновых, Пузыриных, Шестовых и других).

Личный Его Императорского Величества гербъ.

² В гербах дворянских фамилий Казарин из Петербурга и Айскар из Запорожья (от Казе, так наз. «ласковые» гербы, много вариантов).

важного потомка, по народному, Кобылой, откула Кобылки, Давыдовича, владетельного Самогитий и Судавей (вместное имя).

В настоящее время Царствующей Российский Императорский Домъ составляет старшую линию Голштинско-Готторпского Дома или Гольштейн-Романовичей. По женской линии они происходят от угасшего шведского королевского дома Вама, а по мужской—от Ольденбургского герцогско-владетельного дома, которого является младшей линией (старшая линия этого дома царствуетъ въ Дании).

Родовой герб Царствующаго Дома Романовыхъ принадлежитъ къ древнимъ боярскимъ гербамъ сибирскимъ и занимаетъ всю правую часть щита, составляемаго вѣтвицами геральдическимъ бар. Кене, представляющимъ отдѣльную часть этого фамильнаго щита.

Кромѣ Родоваго, членамъ Императорской фамили присвоены особые Личные гербы, въ которые входитъ Государственная российская эмблема—двуглавый Россійскій орелъ на золотѣ, подробно описаннымъ, вмѣстѣ со своими вѣтвями отличительными частями (шитоделательными, шитоскопными и вѣтвями) въ Основныхъ законахъ.

Составляющимъ элементъ составляетъ и Родовой ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА гербъ, представляющій соединеніе въ одномъ щитѣ гербовъ Дома Романовыхъ и Шлезвигско-Голштинскаго. Онъ состоитъ изъ щита разсѣченного (вертикально, на двѣ половины). Въ первой, правой части, гербу Романовыхъ: въ серебряномъ полѣ червленый грифъ, вооруженный золотыми—мечомъ и тарчмомъ, (т. е. кружкомъ, шитомъ, *lance aux armes*), который ухватилъ червленымъ оръужіемъ (*aiglelet*) и черная кайма, обремененная восемью отороченными (*attachées*,—т. е. съ неравными нижними краями, въ отнѣч отъ отороченныхъ—съ равными краями) лангскими головками, изъ которыхъ 4 золотыя, остальные серебряныя. (Кайма составляетъ первообразную геральдическую фигуру, а черныя еще шестъ исконно юрловскихъ, какъ она изображена на „парурѣ“ или башнѣр для царя Алексѣя Михайловича—боярина Пимы Иванова Ромоданова, хранящихся въ Москвѣ въ Гравовинной Палатѣ).

Лѣвая сторона того же главнаго щита четверочастная, съ окончаніемъ и обрамленнымъ средними шитками—гербу Шлезвигско-Голштинскій:

Въ первой, червленой части—золотой коронованный левъ, вооруженный серебряною галлсбардою, (гербу Норвежскій, притязательный по титулу); во второй, золотой части—два лазурные леопарды лѣва (т. е. „лауцѣ“, такъ какъ „лауцше“, *„lauparts“* нормальные геральдическія львы, стоятъ на лапахъ лапахъ, съ поднятыми лапами); въ третьей, червленой части, пересѣченный серебряный и золотой серебряный малый щитъ, сопровождаемый подставкой, подставкой серебряными, о трехъ зубцахъ, украшенными ластови и вѣтвями такимъ же тремя головами (Старей Голштинскихъ) и украшенъ малымъ щитомъ; въ четвертой, червленой части—серебряный, съ черными лапами и золотомъ на шеѣ коронокъ, лебедь; въ червленой оконечности, золотой, съ подбитымъ мечомъ, всадникъ на серебряномъ, покрытомъ черной золотой, конѣ. Въ среднемъ, разсѣченномъ щитѣ, гербу Ольденбургскій и Дельменгортерскій—подъ велико-герцогскою короною, а главный щитъ—подъ королевскою. Эти гербы, какъ и Личные гербы Императорскаго Дома, точно означены въ Основныхъ законахъ.

Личный гербъ Государя Императора однократно съ малымъ Государственнымъ гербомъ (малой печати) и отличается лишь своимъ изнанчиваніемъ.

Такой же гербу Наслѣдника Цесаревича сходенъ со Среднимъ Государственнымъ гербомъ.

Личные гербы остальныхъ членовъ Императорской фамили, до правнуковъ Императора включительно, состоятъ изъ средняго Государственного герба, но отличаются другъ отъ друга вѣтвями частями—шитоделательными и шитоскопными.

Въ гербахъ старшихъ сыновей Наслѣдника Цесаревича—на шеѣ двуглавого ора древня царскаго короля (изъ трехъ или пяти

острыхъ концовъ на обрубѣ). У младшихъ сыновей—шитоделательный—два нагара.

У остальныхъ членовъ Императорской фамили нѣтъ шитоделательныхъ—шитокопныхъ, въ видѣ фантастическихъ стилизованныхъ животныихъ; у внуковъ Императора—два золотыхъ сланиорога съ червлеными глазами и вѣтвями; у правнуковъ—два черныхъ сланиорога съ золотыми рогамъ и копытами, съ червлеными глазами и вѣтвями; у правнуковъ—малые грифы съ червлеными глазами и вѣтвями; у сыновей въ шитоскопъ изъ шитоскопныхъ для черныхъ грифовъ, а двуглавыи орелъ безъ гербовъ на крыльяхъ и тулахъ.

Члены Императорской фамили женскаго пола вѣтвятъ тоже свои гербы, точно означенны въ Основныхъ законахъ, подобно предыдущимъ.

Всѣ эти гербы строго выдержаны въ стилѣ и составлены точно, по правиламъ геральдики, являя прекрасные образцы въ этой области. Надъ выработкою многихъ потрудился баронъ Кене, которому русская геральдика обязана авторитетнымъ исправленіемъ Государственнаго герба и окончательнымъ установленіемъ правдынаго его базированіемъ. Кене былъ приглашенъ въ Россію по иниціативѣ герцога Мекленбургскаго и основалъ Русское Археолог. Общ-во (1817—1886 гг.).

Что касается, наконецъ, гербовъ женщинъ, то они, у дѣвчатъ, замужнихъ и вдовъ, помѣщаются, въ отнѣч отъ мужскихъ, на ромбическихъ, овальныхъ и круглыхъ щитахъ. У дѣвчатъ гербовые щиты окружены гирляндами и вѣнками, у вдовъ вѣнками, перенатыми въ узоры, восьмерками, въ такъ называемыя „любимые узоры“ (*lacs d'amour*), означенныя кистями, съ пробѣгами на нихъ шариками или четками. Гербы замужнихъ женщинъ помѣщаются рядомъ со шитомъ мужа, если гербы супруговъ не соединены въ одномъ образѣ шитѣ.

Не только мужчины, но и женщины занимались усердно геральдикой, и произвели изъ этой области большія лѣтня. Такъ, въ Англіи извѣстно одно изъ древнѣйшихъ, основанныхъ геральдическихъ союзовъ дамы Juliana Berners—Book of St Albans, London, 1486. Въ безымянной геральдической энциклопедіи madame M. Moris, основанная книгу Manuel élémentaire de l'art héraldique, Bruxelles, 1840. Во Франціи геральдика занималась многія дамы изъ аристократіи и сейчасъ тамъ нѣтъ такой кружокъ, включившей авторитетомъ по базированію гербовъ.

Въ Россіи сама императрица Екатерина II много занималась составленіемъ гербовъ для разныхъ лицъ изъ своихъ при-

ближенныхъ и фаворитовъ. Ею были составлены гербы графовъ Орловыхъ, сѣвѣйшаго князя Потемкина и графовъ Бобринскихъ. Какъ видно изъ этихъ композицій—одну изъ главныхъ частей этихъ гербовъ былъ Россійскій Государственный гербъ (царскій штандартъ), включаемый въ первую часть щита, въ наложенный на серебряный малый щитокъ, надъ которымъ былъ наложенъ щитокъ въ наложеніи.

Такъ, у графа Орлова, происхождащаго, какъ сказано въ его родословной, изъ польской Пруссіи, въ четверочастномъ гербѣ помѣ-

Гербъ дворянъ Шиндевичей.

Гербъ графовъ Бобринскихъ, составленный императрицей Екатериной II.

Гербъ дворянъ Балашевыхъ. (Лейб-Кавалерскій); первой половины XVIII вѣка.

В Государственный двуглавый, коронованный орелъ на золотѣ, сопровождаемый лазурной ошей, обремененной золотой императорской ко-
и, что представляеть собой асюю и не для однихъ геральдиковъ аллегорію. Въ геральдикѣ историкъ найдетъ многія объясненія вообще.

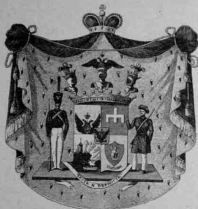
У князя Потемкина Таврическаго гербъ такой же приблизительно композиціи, какъ и у Орловыхъ, выдающій авторство императрицы и указывающій на стремленіе, какъ можно больше возвысить своего любимца. Тутъ, какъ и у графа Орлова, пятью четверочастей щита съ Государственнымъ гербомъ въ первыхъ его частяхъ, но на сей разъ только съ червленой главой, обремененной пятилучной звѣздой.

Что касается графовъ Бобринскихъ, то въ ихъ родословной сказано лаконически, что «собственноручнымъ писемомъ императрицы Екатерины II графу Алексѣю Григорьевичу Бобринскому, отъ 2-го апрѣля 1781 года, императрица извѣстала его, что роженіе его, графа Бобринскаго, послѣдовало 11 апрѣля 1762 года». Другимъ такимъ же собственноручнымъ писемомъ отъ того же числа Екатерины II пожаловала ему ея составленный гербъ. Въ этомъ гербѣ Государственный Россійскій орелъ помѣщается уже не въ главномъ, а въ маломъ, обрамленномъ среднюю, шестъ. Главный щитъ пересѣченный. Въ верхней, разсѣченной части — въ

Гербъ дворянъ Куломзинныхъ.

«Почти вся наша жизнь, какъ бы сгущенная, всегда стремилась къ своему изоме-
рому произраженію отъ такъ называемыхъ «выблещенъ людей», большую часть изъ-
назовъ Барель, изъ Германии, изъ Франціи, государства, изъ Орды и т.п. Оттуда все это загадочное и часто сомнительное рожденіе, какъ Рассказъ, Сиданка, Игирисъ, Гамсъ, Радва и еще многіе другіе, съ которыми объяснено измѣненіе писемъ повѣ-
ствованіе родословныхъ. Преподаніе у насъ иностранного своему виду, уже въ глубокой старости.

Прощан уже тѣ времена, когда столь высокія особы являлись сами геральдики, благоволующимъ гербы для своихъ подданныхъ, во воспоминаніе имъ вѣнчаніемъ, происшедъ, какъ всегда замѣчательно въ старомъ Павловскомъ гербовомъ кабинетѣ, ан-
наго геральдическаго Козлова и въ гербовыхъ отъ страннѣхъ въ каждой фигурѣ вѣнчанъ по кучку исторіи государства Россійскаго.

Владиміръ Бѣлинскій.

Гербъ фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго. (Николаевскій щитъ).

АРХИВЪ СЕЛА КАРАБИХИ.

(Новыя матеріалы о Некрасовѣ).

Старая поговорка: «съ главъ долой — изъ сердца вонъ» очень часто находить себѣ примѣненіе въ литературѣ, и притомъ въ отношеніи писателей далеко не знающихъ, а въ такихъ, которые въ одно время были крупными величинами, «властителями думъ» современнаго имъ поколѣнія. Жизнь писателя, возмужавшаго, много труднѣе, чѣмъ жизнь друга и врага, почитателя и «лодыря», его произведенія вымываютъ «словесную войну». Но, вѣдь, писатель умреть. Ему устроили болѣе или менѣе торжественныя похороны, произвели надъ могилой изслѣдованіе, прочувствованнымъ рысикъ; въ газетѣ появились рядъ такихъ же некрологовъ, въ журналѣ — двѣ-три статьи, посвященные скоростной оцѣнкѣ покойника; оставшіеся въ продажѣ его сочиненія быстро раскулачили подгрозной публики... и концы. Можно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, смѣло сказать, что прошло 25-ти лѣтъ никакъ не будетъ вспоминать объ умершемъ, не полагаться ни о полнотѣ собранія его сочиненій, ни объ ихъ подробностяхъ критическаго освѣщенія.

И такая участь, повторю, постигала иногда и очень крупная литературныя личности. За примѣромъ ходить недалеко. Гдѣ у насъ обстоятельная біографія хотя бы Тургенева, подробное критическое изслѣдованіе его сочиненій, сѣверное съ рукописями и исторически комментированное изд. изданіе? Гдѣ біографія Остроумова? Будемъ-ли мы когда-нибудь имѣть комментарий къ сочиненіямъ Щегарева, которому такъ ярко отбѣивала широкая полоса нашей исторической жизни, — комментарий, потребность въ которомъ съ каждымъ годомъ чувствуется все сильнѣе и сильнѣе, а кругъ людей, могущихъ его дать, съ каждымъ годомъ становится все тѣснѣе? О другихъ, менѣе извѣстныхъ, но тоже въ свое время очень замѣтныхъ дѣятеляхъ 50-хъ, 60-хъ, 70-хъ годовъ и

говорить нечего: можно назвать десятки именъ, надъ которыми тяготѣетъ забвеніе.

Особенно любопытна и поучительна въ этомъ отношеніи судьба Некрасова. Поэтъ, въ теченіе всей третьей четверти XIX вѣка, сплелъ изъ бывшаго, дѣйствительнаго, мѣртваго великаго народа, сплелъ изъ него были на устахъ у каждаго сколько-нибудь образованнаго русскаго человѣка, изучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчной», писатель, которого провозвали въ кругу съ такими величественными и торжественными выраженіями: «общей скорби, какова равнине не удостоивался ни одинъ изъ дѣятелей русскаго слова», — Некрасовъ за долгіе годы со дня своей смерти вызвалъ лишь изслѣдованія журнальных статей біографическаго и критическаго содержанія, можетъ быть, и очень цѣнныхъ, но все-же разрозненныхъ и далеко не полныхъ. Правда, его сочиненія вышли за это время въ изслѣдываемыхъ изданіяхъ; но всѣ эти изданія, кромѣ только перваго посмертнаго (1879 г.), которое хоть немного стремилось къ полнотѣ и обстоятельности, — самыя заурядныя, шаблонныя, чисто-коммерческія перепечатки.

Въ 1902 году минуло четверть вѣка со дня смерти Некрасова, и этотъ «покойный», какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываешь, оживилъ память о поэтѣ въ нашей литературѣ. Появились цѣлый рядъ журнальных статей и отдѣльных книгъ, ему посвященныхъ, А. Н. Пылинъ: «Н. А. Некрасовъ» (Сиб. 1903), книга В. Максимовъ: «Литературныя дѣятели Некрасова» (Сиб. 1908) и книга Ч. Вѣтринскаго: «Н. А. Некрасовъ» (М. 1911). Всѣмъ за тѣмъ

ТУРИЗМЪ.

„Туризмъ—эта одна изъ немногихъ радостей жизни—почти уснула во время мировой войны. Страшная ночная паника войны спугнула дневныхъ птичекъ радости, которыми лѣла иногда, заливая отраду въ человеческую душу...

Попрятались немногя радости жизни, и только боязливо, чуть слышно, чиркаютъ вдали отъ глазъ, чтобы не попасться въ страшные когти...“

Такимъ, немногимъ вичурнымъ и превысреннимъ языкомъ, пишетъ мнѣ одинъ изъ адептовъ туризма, „человѣкъ, которому только это и осталось какъ радость, а ее отняли“...

Путешествовать сейчасъ невозможно, это вѣрно. Даже въ предѣлахъ своей страны и то трудно: приходится платить чрезмѣрно и не за удобства а за лишения. Хотя океанъ въ рукахъ англичанъ и гѣбы страшны только у береговъ Европы, путешестіе крайне неприятно, въ сравненіи съ тѣмъ, что было такъ недавно. Лучшие пароходы заняты для нуждъ войны, или стоятъ въ докахъ. Всѣ знаменитые великаны флота, чудеса комфорта и роскоши, не ходятъ сейчасъ по океанамъ. Остались только мелкія суда, но и на нихъ жизнь нарушена, удобства меньше, чѣмъ въ обычное время. Нѣтъ тѣхъ скорыхъ рейсовъ, создаемъ которыхъ такъ горались послѣднее десятилѣтіе. Изъ Европы въ Америку можно было ѣздить въ пять дней—теперь въ десять; изъ Японіи въ Америку были пароходы Канадской желѣзной дороги, совершавшіе этотъ громадный рейсъ въ девять съ половиною дней: сейчасъ максимумъ скорости 16—18 дней. Даже американскіе пароходы служатъ теперь нуждамъ войны, возя военные грузы въ рехнувшуюся старушку Европу...

Послѣ окончания войны пройдетъ еще сравнительно долгій срокъ, прежде чѣмъ наладится это морское движеніе. Вѣроятно, еще больше времени потребуется, чтобы установить прямые экспрессы черезъ недавно враждебныя страны.

Приходится жить мечтою о будущемъ, спокойно ждать. Одинъ мой знакомый уже заказалъ себѣ мѣсто на первомъ экспрессѣ, который отойдетъ изъ Петрограда—на Парижъ или Ниццу, безразлично. Когда-то это будетъ?.. А пока что, туризма нѣтъ, есть путешествіе съ лишениями, по нуждѣ, ради дѣла, но туризмъ спитъ.

Въ „Русскомъ Словѣ“ напечатанъ интересный фельетонъ Букуны о республикѣ Санъ-Марино. Всѣ знаютъ Монте-Карло, но мало кто знаетъ Андору и Санъ-Марино, такія же крохотныя государства Европы. Санъ-Марино, къ тому же, наша союзница: она объявила войну Германіи и Австріи!

Обыкновенно, участниками европейскаго соглашенія/считаются: Россія, Франція, Англія, Італія, Нидерланды, Португалія, Сербія и Черногорія. Итого—десять державъ. Это невярно. Въ действительности ихъ десять. Десятое подолжащее перечисленію государство тѣмъ болѣе въ правѣ претендовать на полное къ нему невмѣшательство и забвеніе, что само бесспорно принадлежитъ историческимъ приоритетамъ. Оно—самое древнее государство во всей Европѣ. Это—республика Санъ-Марино. Республика Санъ-Марино гнѣтся въ срединѣ Італіи, близъ Адриатическаго моря, среди крутыхъ отроговъ Апеннинъ, на высшемъ подножіи плато, наименѣеимѣемъ

Гемаголандъ или Гибралтаръ. Въ ближайшемъ государствѣ съ нею приморскій городокъ Равенна, и отъ нея три часа ѣзды до Флоренціи и шесть—до Рима. Местоположеніе очень красивое. Темно-коричневые и черныя горы кручи живописно рисуются на фонѣ темно-голубого неба. Въ изъ-позадія зеленые долины, дуги и впадины, сады и виноградники радостно италическаго пейзажа. Въ горахъ продвигается снѣгоплавильно, преимущественно мелкое—овесъ и сивный; и тѣ, и другія хорошия пшеница, крупика, овсянница. Обиліе свиней—ихъ, кажется, больше въ странѣ, чѣмъ жителей—бросается въ глаза и дано повелѣ одному французскому путешественнику изъ парижскихъ бульварьеровъ написать, что санъ-марины занимаютъ доволно за выкупъ, послѣднихъ, составъ вырочающихся, если уже не выродившихся, италическихъ бандитовъ и контрабандистовъ италическаго колабса (славы). Но это не совсѣмъ вѣрно, потому что у нихъ есть и другіе виды промышленности: они очень вкусно обсабариваютъ на экспортъ каштаны и мастеры приготавливаютъ духовное мыло изъ горныхъ травъ и цвѣтовъ. Главное богатство Санъ-Марино, однако, природное—его знаменитая во всей сѣверной Італіи каменоломня. Санъ-Марино—самое маленькое государство въ мѣрѣ. Оно меньше даже княжества Монако и обмывовано на географическомъ картѣ обозначается краснымъ пятнышкомъ въ булавочную головку. Территорія его—шестьдесятъ квадратныхъ километровъ—несъ удегаса бы въ черту города Москвы, а вслѣдъ санъ-мариновъ на свѣтѣ меньше, чѣмъ жителей г. Москвы. Ихъ только около 13-ти тысячъ. Железныя дороги вовсе нѣтъ. Капитальный вопросъ о сооруженіи вѣточки Санъ-Марино—Равенны, протяженіемъ въ 21 версту, обсуждался и лежало уже около десяти лѣтъ въ республиканскомъ сенатѣ, но не соблазняетъ мѣстныхъ капиталистовъ. Они чувствуютъ, что ихъ движеніемъ были бы болѣе чѣмъ скромны. Дѣло въ томъ, что для сообщенія республика со вслѣдъ оставшимъ міромъ имѣетъ достаточно ежедневнаго автобуса въ 20 персовъ. Они доставляютъ не только вслѣдъ приближѣнныя пассажиры, но и всю европейскую почту...

Мы ѣхали въ Санъ-Марино изъ Римини. Нашъ экипажъ трое въ автобусѣ. Замѣтка въпечатлѣна и оригинальна. На боковомъ стѣнкахъ его большой гербъ государства. Онъ изображаетъ три крѣпостныя башни съ сѣтвями изъ стравушковыхъ перьевъ. Гербъ годится бы для любой имперіи. Затѣмъ, на автобусѣ развѣшается уайкъ и дѣланный блѣлый флагъ морского тина; на немъ крупными голубыми буквами начертано слово Libertas—свобода Санъ-Марино. Кондукторъ, юркій и болатый фигуро—весьма услужливый малый. Онъ возитъ съ собою убоистую корзину съ винами и аппетитными холодными закусками. Онъ навѣрнѣтъ на рождѣ нѣсколько номеромъ „Трубадура“, до сихъ поръ, какъ и другія старинныя оперы, популярныя и не забытыя въ Італіи. Онъ предлагаетъ, наконецъ, приобрести у него, для сокращенія пути и для развлеченія* прозрачныя игривыя карты, весьма игриваго содержанія, но не найдя на нихъ сирѣдъ, замѣчаетъ карты маленькими звѣздками—путешественники по Санъ-Марино на англійскомъ и французскомъ языкахъ.

Республика поддерживаетъ довольно оживленные для такой государственной бездѣлушки дипломатическія сношенія. У нея есть свои постоянные резиденты въ Римѣ и въ Парижѣ и свои консулы въ Триестѣ, Неаполѣ, Марселѣ, Барселонѣ, Ниццѣ и даже въ Нью-Йоркѣ. Все это, впрочемъ, почетныя званія, за которыми посылаетъ ихъ сама ежегодно уплачивая по 500 лръ въ казну республики. Отсюда происходятъ иногда забавные казусы. Въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ назадъ резидентомъ Санъ-Марино какъ-то оказался нѣкій пудлеръ аристократическаго каубоя изъ нѣмеческихъ бароновъ; въ одномъ частномъ домѣ онъ попалъ въ переделку картъ, съ извѣстнымъ удачѣмъ, и парижскія полиція выслала его, несмотря на дипломатическую неприкосновенность, изъ Франціи. Этотъ инцидентъ грозилъ по своему принципиальному значенію оказать симпатіи „маленькой сестрѣ“ къ старшей, Санъ-Марино къ Франціи, но президентъ Французской республики подлилъ обоимъ капитанамъ-регентамъ по северному чаинуому сервису, и конфликтъ былъ устранимъ.

Республика управляетъ своими законами и сама издаетъ ихъ. Первый гражданскій кодексъ ее составленъ въ концѣ XIX вѣка. Судъ и расправу творятъ въ республикѣ трое судей: одинъ—для разбора гражданскихъ дѣлъ, одинъ—уголовныхъ дѣлъ и одинъ, надъ этимъ думаю—для исповѣдованныхъ и кассационныхъ приговоровъ. Работы у нихъ немного. Тѣмъ же республика то-и-дѣло поступаетъ, и чѣмъ блаженнейшій отрогъ въ мѣрѣ, который является доволно страннымъ: государство беретъ его въ аренду по лѣтне-

16

МИЛИАРДЕРЬ ФОРДЪ.

Очень интересна карьера героя последней панфиловской миссии — Генри Форда. Как известно, он организовал экспедицию в Европу для провозглашения иерархии и прекращения общепанфиловской войны. К сожалению, из этого получился скорее буффонад, чем серьезное предприятие.

Очень оригинальна фигура самого Форда. Это такой же «сам себя сделавший человек» self-made-man, как и Рокфеллеры, Морган, Вандербильты. Его родители были бедные протестантские фермеры, эмигрировавшие в 1847 г. в Америку и поселившиеся около Детройта на Великих Озерах. Генри Форд родился в

Генри Форд.
(Съ послѣдней фотографіи).

«Многие считают, что изобретения его картина, изображающая будто „Тройку с Наполеоном, собирающую перебить голую натурщицу“ — есть яркое беззастенчивое бривадо, давно выходящее изъясн. „языком буржуазии“. И же думаю, что если этот „мечен“ в изобретениях и в искусстве данной композиции, то все же не в нем суть, не он — настоящие побуждающая причина к его созданию. Настоящая причина кроется в уверенности, что для истинного живописца и для действительных изобретений, и для вообще истинных изобретений — все претерпевает в глупости настоящих изобретений красное, подается гармонизация, или вообще, уже гармонизуется. И, таким образом, уродливый сам по себе картина на стѣнѣ, переданная изъясн. колорита, может оказаться красивым, композиционным, истинным. Мы знаем, что и дикари или даже изобретатели в глазах Рембранта — истинная поэма золотистых мужских изобретений, не имеющих никакого отношения к „интересности“ зритель предвзвѣт. Так почему же, думает Машков, бривать уродливыми видами в обиду? Трудно угадывать отъ соблазна именно им и доказывать, что обладая какой-то малой восприимчивостью, переключением уродства в красоту. Я понимаю эту соблазн, но все же считаю, что всегда благодарным ему поддаваться...»

А.А. Беня (Рыча).

1863 году, не получив никакого образования, кроме начальной школы, но проявив большие способности в конструировании разных машин, главным образом в области своей же фермы. В 16 лет, по его настоянию, он был отдан учеником на один из заводов паровых машин в Детройте. Проработав там 2 года, он поступил рабочим в кузню дома, затем служил еще на других заводах, в то же время работая в своей домашней мастерской.

В 1883 г. Форд женился и собственными руками построил себе дом. В это же время ему пришла идея сконструировать простой женский автомобиль и над этим он работал в течение семи лет.

В 1901 году модель автомобиля Форда была разработана и Форду удалось организовать акционерное общество с капиталом в 2.000.000 для постройки такого автомобиля. Деятельность общества превзошла всякие ожидания и в прошлом году прибыль составляла 40 мил. долларов!

Форд, ставши миллиардером, несколько не изменился. Он не поскакивает по миру, как американские миллиардеры, которые много занимаются своим духовным развитием, увлекаются музыкой, литературой, искусствами, историей, вообще наукой. Форд все это игнорирует. Он остается с тем же умственным багажом, который получал в школе Спрингфилда, он остается тем же рабочим-механиком, несмотря на свой миллиард, и впрямую, вот эта примитивность и породила крупнейшие его мирные миссии. У него было много добрых желаний; но же хватало пороку для их осуществления: душа человеческая оказалась слишком конструктивной, автомобиль, оказался, что одним словом, ничто не сдвинулось, нужно еще психическое воздействие на людей...

Зато фабрика Форда является сейчас одной из величайших в мире, там строятся автомобили, буквально, как бумажные игрушки — каждый день выпускается 1000 совершенно готовых автомобилей, снабженных фонарями, гудками, выхлопными трубами, смазочными, сейчас готовых к движению...

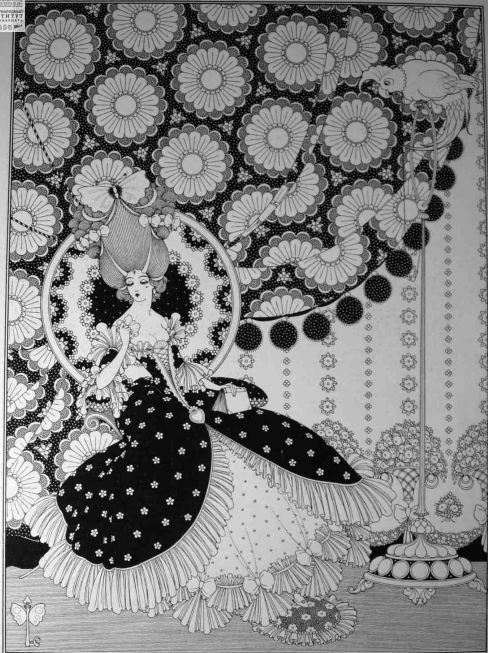
Вот пример удивительно своеобразного человеческого мозга, оказавшегося гениальным в одной области и совершенно непригодным в другой.

В. К.

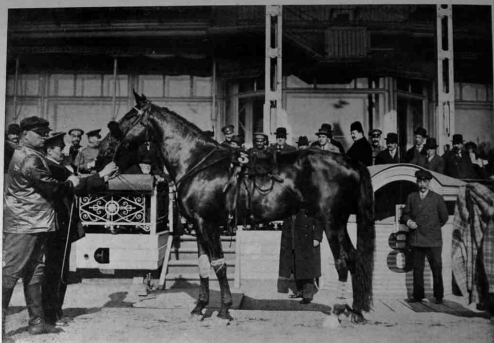
Одна из усадебных служанок в „Очине“.

(Усадьба Е. А. Судянова).

Собств. фот. „Ст. и Ус.“.

*Императорское Петроградское Общество
высшего коннозаводства.*

*ТИРАНЪ, гн. ж., р. 1912 г., кн. Вяземский,
собств. зав., отъ Гей-Бингена, 2: 12 и тнги
1: 33¹/₄. Лучший резвость: 1 в. — 1: 34 и 1¹/₂ в.
2: 15¹/₂. По 17 мая 1916 г. выигралъ 15,255 руб.
Ростъ 2 при. 4 в вер. Вѣсъ 29 п. 24 ф.*

аржать, и въ концѣ концовъ обидѣлся до того, о либжалъ въ переднюю, надѣлъ пальто и ушелъ въ дома.

Была холодная, сырая осень.

Друзей, у которыхъ я могъ бы переночевать, у меня въ то время въ Москвѣ не было, денегъ въ карманѣ ни гроша,—что дѣлать?

Прежде всего я прошелъ мимо дома той, въ которую я считалъ себя влюбленнымъ.

Я вскинулъ глаза на темное окно ея спальни, грустно вздохнулъ и пошелъ ждать утра на Николаевскомъ вокзалѣ.

Оказалось, что послѣ часа ночи вокзалъ закрывается, и меня попросили уйти.

Я уже начиналъ приходить въ отчаянье, когда вдругъ вспомнилъ о цыганахъ. Я вспомнилъ, что въ 4 часа утра Стрѣльня закрывается и цыгане въ линейкахъ ѣдутъ на Живодеру, въ трактиръ „Молдавию“, дѣлятъ деньги. Тамъ я ихъ захвачу, а дальше что-нибудь да придумаю. Съ ними-то я не пропаду.

Кто знаетъ Москву, тотъ пойметъ, что я въ эту ночь избѣгалъ. Въ Грузинахъ я еще какъ-то сбился, попалъ на какіе-то огороды, лезилъ черезъ какіе-то заборы, весь измазался въ глину, и чуть даже не ухватилъ свои новые башмачки.

Наконецъ, вышелъ! Слава Богу!

Усталый, холодный и голодный, я сѣлъ около Молдавии на дюринковскую лавочку и сталъ ждать. Время тянулось безконечно долго.

Гдѣ-то прогремѣли колеса.

Они?—Нѣтъ.

Еще что-то стучитъ по мостовой.

Слава Богу, подъѣхали.

Переждавъ нѣсколько минутъ, пока полонные по-жгли огни, пока цыгане пораздѣлись, я отворилъ скрипящую бячюную дверь и подошелъ къ знакомому, длинному столу, у котораго сидѣли женщины.

— А, Толстой, откуда ты? садись съ нами, угощай чайкомъ съ сухарями.

Я раздѣлся, поздоровался съ знакомыми и подсѣлъ къ лучшему своему другу, Машѣ.

Эту Машу, которую за ея черноту прозвали „Жукомъ“, я зналъ уже больше года и очень любилъ.

Она была маленькая, маленькая, веселая и талантливая. Въ первый же день нашего знакомства, мы съ ней въ саду „Мавританіи“ часа два бѣгали и играли въ прятки.

Въ хорѣ она пѣла „сударку“, и получала только полъ-паечка.

Иногда она любила изображать изъ себя солистку. Тогда она дѣлала серьезное лицо и пѣла: „Гляди на лучъ бурбурнаго заката“.

Я любилъ, во время ея пѣнія, подкрасться къ ней сзади и поднять ее на вытянутыхъ рукахъ.

Это ее не смущало и она продолжала пѣть и на рукахъ.

„До гроба вы клялись любить божъа“...

Когда я подсѣлъ къ ней, она стала разспрашивать меня откуда я пришелъ.

— У товарища въ карты игралъ, проигрался.

— И намъ на чай не осталось?

— Нѣтъ.

— Тогда я тебя угощать буду. Яшенки хочешь?

— Чевали, идее сидю, угостите его подочкой.

Ничего онъ, бѣдненькій безъ денегъ. Въ карты проигралъ...

Сейчасъ-же нѣсколько мужицъ подхватили меня подъ руки и повели къ стойкѣ.

Скоро я согрѣлся и за яичницей и за чаемъ мнѣ было уютно и приятно.

Но я видѣлъ, что Маша все время на меня какъ-то подозрительно смотритъ и что-то думаетъ.

Вдругъ она вперила въ меня свои огромные, черные глаза, отшатнулась и истоно перекрестилась.

— Господи Исусе Христе, Илья, да ты ли это? и не пьянъ? Нѣтъ, воля твоя, что-то ты лукавишь, неправду говоришь. Сознателься, въ чемъ дѣло?

Машинъ возгласъ былъ настолько искрененъ и неожиданъ, что я не вытерпѣлъ и рассказалъ ей всю правду.

— „Ай, батюшки, грѣхъ какой! Илья, милый, ступай скорѣй домой, помирись съ матерью, попроси прощенья. Она проститъ тебя. Развѣ можно съ матерью ссориться, она вѣдь тебѣ родная“.

— Хорошо, помирюсь, только не иначе, вѣдь теперь дома всѣ спятъ.

— Общаешься?

— Да.

— Ну, хорошо, а теперь ко мнѣ пойдемъ, я позову чепалъ съ гитарами, поподемъ, а ежели хочешь, и поспимъ на диванѣ.

Маша жила почти рядомъ съ „Молдавіей“. У нея, въ первый разъ я познакомился съ цыганской семьей.

Оказалось, что Маша, на свои полъ-паечка, содержитъ человѣкъ шесть. Какихъ-то дряхлыхъ старухъ, тетокъ, братьевъ, сестеръ, цѣлую семью!

Маленькій хоръ, съ двумя гитарами и гармоной, пѣлъ мнѣ до утра.

А къ 11-ти часамъ пришелъ къ Машѣ мой товарищъ Т., который тоже поссорился съ своимъ отцомъ и тоже искалъ пріюта.

Такъ мы и жили у Машинъ.

На другой день мы попали въ „Стрѣльну“.

Рядомъ съ нашимъ кабинетомъ пѣли цыгане. Съ ними были тогда еще молодой, но уже извѣстный, пѣвецъ цыганскихъ пѣсень Д.

Онъ любилъ цыганку Фешу и молилъ ее бросить хоръ и уѣхать съ нимъ. И всю эту ночь онъ пѣлъ и молилъ ее. И въ эту ночь она бросила таборъ и ушла къ нему.

А Маша Жукъ бѣгала изъ кабинета въ кабинетъ и страшно волновалась за свою подругу.

Между тѣмъ, дома никто не зналъ, гдѣ я, и на третій день мать начала уже волноваться.

Братъ Сергій общалъ ей меня разыскать и, конечно, прямо поѣхалъ на Живодеру.

Прощаясь со мной, Маша перекрестила меня и еще разъ строго наказала мнѣ смирится передъ матерью и просить у нея прощенья.

Когда я сказалъ матери, что я три дня провелъ съ цыганами, она была въ ужасѣ.

Я не сталъ убѣждать ее въ томъ, что Маша все время уговаривала меня ѣхать домой. Все равно она не повѣрила бы этому.

А я до сихъ поръ вспоминаю чистого сердечнаго Жучка и память о ней мнѣ дорога, какъ дороги самая свѣтлая воспоминанія далекой юности...

Илья Толстой.

Редакторъ Вл. Крымовъ.

Вкладка № 59 „Ст. и Ус.“.

В. Е. Борисовъ-Мусатовъ—„Весна“.
Третьковская галерея.